

УДК 821.111

О. А. КАЗНИНА***МОСКОВИЯ — РОССИЯ ГЛАЗАМИ АНГЛИЧАН**

В статье дан аналитический обзор суждений о России и её жителей английских путешественников и писателей, начиная с середины XVI века и до Второй мировой войны. Показано, что характерный для англичан прагматизм выводов и оценок неизменно сочетается с признанием национальной самобытности и высокой сопротивляемости россиянам попыткам перенесения на российскую почву зарубежных новшеств. Особое внимание уделено путешествию в Россию Льюиса Кэрролла и возможному влиянию русских впечатлений на содержание и образность второй книги об Алисе — «Сквозь зеркало».

Ключевые слова: Россия, Англия, путешествие, Московия, Ричард Ченслор, Джордж Тербервилль, Джером Горси, Джайлз Флетчер, Роберт Бёртон, Джон Мильтон, Даниэль Дефо, Джонатан Свифт, Оливер Голдсмит, Джордж Байрон, Джордж Борроу, Дороти Брустер, Льюис Кэрролл, зазеркалье, «Алиса в стране чудес», Констанс Гарнетт, Хью Уолпол, Стивен Грэм, Морис Беринг.

Первым англичанином, оставившим описание Москвы, был, по всей видимости, купец и путешественник Ричард Ченслор. В 1553 г. он отплыл из Англии в составе экспедиции, целью которой было освоение северного морского пути в Индию и Китай. После шестимесячного плавания только один из трёх кораблей этой экспедиции достиг обитаемого берега, бросив якорь в устье Северной Двины. Сойдя на берег в том месте, где впоследствии вырос Архангельск, искатели новых коммуникаций были приняты местным воеводой, который рассказал им о стольном городе Московского государства, куда они и отправились.

Ченслор смотрел на чужую страну с благожелательным любопытством, несмотря на то что Москва его во многом разочаровала. Он писал: «По величине это такой же большой город, как наш Лондон с пригородами. В Москве много больших домов, но по привлекательности для глаза их не сравнить с нашими. Город состоит из слобод и деревень, но они расположены без всякого порядка и заботы о красоте. Улицы и дороги не уложены камнем, как у нас, дома построены из дерева. Крыши большинства домов покрыты кровельной дранкой. В центре города находится прекрасная крепость, хорошо укреплён-

* Ольга Анатольевна Казнина — доктор филологических наук, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской Академии наук (ИМЛИ РАН); профессор кафедры зарубежной литературы Литературного института имени А. М. Горького (Москва, Российская Федерация); Olga-Kaznina@yandex.ru

ная и вооружённая артиллерией. Кирпичные стены крепости имеют толщину в восемнадцать футов. С одной стороны Кремль окружён сухим рвом, с другой протекает река Москва, поэтому он практически неприступен. Река Москва течёт на восток и в неё вливается река Ока» [13, 48].

Приёма у Ивана Грозного путешественникам пришлось ждать двенадцать дней. Но за это время они внимательно рассмотрели царский дворец. Вот мнение Ченслора: «Что же касается царского дворца, то это далеко не самое привлекательное место. Невысокое здание с прямоугольным двором не может поспорить с элегантностью дворцов английских королей. Окна во дворце очень узкие, в некоторые из них вставлено стекло, а в некоторые слюда. И в то время как стены комнат во дворцах нашей знати украшены златотканой драпировкой, здесь ничего подобного нет. В стены при строительстве встраиваются лавки, как во дворцах, так и в обычных домах» [13, 49].

Когда, наконец, путешественники были допущены в зал приёмов, они поняли, что глубоко заблуждались, полагая что русские равнодушны к красоте. По контрасту с внутренним убранством Кремля, которое путешественнику показалось «бесцветным и небогатым», одеяния знати во время приёма сияли роскошью. Путешественники были поражены обилием золота, парчи и мехов в одежде царя и придворных. Царь и его бояре были одеты с ног до головы в ту самую драпировку, которую англичане привыкли видеть на стенах и мебели. Столы ломились от яств, поданных на золотых и серебряных блюдах. Ченслор отметил: «Мне приходилось видеть и английских, и французских королей, отличающихся богатством, но ничего сравнимого по роскоши с русским двором я не видел» [13, 50].

Ему же принадлежит словесный портрет царя: «Он восседал на величественном троне, на его голове сияла золотая корона, его мантия была искусно расшита золотом, а в руке он держал скипетр, украшенный драгоценными камнями. Помимо других атрибутов власти и величия, по обе руки от него стояли придворные, также одетые в златотканые одежды, а совет, состоявший из ста пятидесяти человек, мало в чём уступал царю в роскоши одеяния» [13, 50]. Зрелище богатства и роскоши было рассчитано на то, чтобы подавлять своим величием, однако Ченслор сохранил присутствие духа и приветствовал русского царя сдержанно и с достоинством, на английский манер.

После того как между Англией и Россией были установлены торговые отношения, в английских хрониках и поэмах появились пространные описания путешествий в Московию, получили распространение дневники и письма путешественников.

Первым английским поэтом, побывавшим в Москве, был Джордж Тербервилль (1540–1610). В 1568 г. он сопровождал в качестве секретаря английскую дипломатическую миссию, задачей которой было наведение порядка в англо-русских торговых отношениях. Поэт надеялся с помощью этой поездки поправить и свои денежные дела, так как был наслышан о роскоши и богатстве московской придворной жизни. Однако его ждало разочарование.

Как отмечает М. П. Алексеев, поэт «наблюдал Москву и русскую жизнь в окно посольской избы или из повозки, охраняемой стражей» [1, 25]. Свои мрачные впечатления о Москве эпохи Ивана Грозного он оставил в стихотворных посланиях, которые он отправлял друзьям в Англию. Страна,

народ которой жил в нищете, поклоняясь крестам и иконам, а царский двор утопал в роскоши, казалась ему дикой. Как и его предшественников, поэта поражало, что в этой холодной стране дома строят не из камня, а из дерева, подверженного пожарам:

Ни камня нет в стране, ни каменных домов,
Из досок крыши на домах, а стены из стволов... [1, 26]

Преемник Ченслора Джером Горси, возглавивший Англо-русскую торговую компанию, оставил в своих записках о России описание пожара деревянной Москвы, а также ритуал коронации Фёдора Иоанновича в Кремле в 1584 г. Горси знал греческий язык и, хотя признавал себя «плохим грамматиком», отметил, что из всех известных ему языков русский — «самый обильный и изящный язык в мире» [3, 50].

Горси, очевидно, не без собственных и британских интересов, позволил окружению царя вовлечь себя в сеть придворных интриг, но несмотря на все перипетии, в 1591 г. живым и невредимым вернулся в Англию, где в течение последующих тридцати лет мирно заседал в английском парламенте и со вздохами облегчения писал о том, что нет в мире более благословенной страны, чем Англия. Правда, в конце жизни признал, что жизнь в этом мире, как за границей, так и дома, заставляет его желать переселения в мир иной.

В 1591 году появилась первая книга, посвящённая целиком Московии: «О государстве русском: его географии, управлении, законах, ведении войн, церкви и манерах поведения». Автором её был Джайлз Флетчер, родственник известного драматурга Джона Флетчера, посол Англии при дворе царя Фёдора Иоанновича. Он подробно описал главные города России, особое внимание уделив Москве, имя которой он называет «славным и известным свету» [9, 29]. Москва показалась ему превосходящей Лондон по величине. Несмотря на опасность пожаров, Флетчер считал, что деревянные дома больше подходят для русского климата, потому что они теплее и в них меньше сырости, чем в кирпичных. «Провидение наградило их лесами в таком изобилии, что можно выстроить порядочный дом рублей за двадцать, или за тридцать, или немного более, даже там, где мало лесу», — писал он [9, 31–32].

Флетчер, к моменту работы над книгой давно оставивший свою должность, высказал откровенное мнение о характере власти в России при Иване Грозном: «Образ правления у них весьма похож на турецкий, которому они, по-видимому, стараются подражать, сколько возможно, по положению своей страны и по мере своих способностей в делах политических. Правление их чисто тираническое: все его действия клонятся к пользе и выгодам одного царя и, сверх того, самым явным и варварским образом» [9, 40].

Назначения на все должности определяются только волей царя, судьи не смеют решить самостоятельно ни одного дела, каждое решение зависит «от милости царской». Царь лишает дворян самостоятельности, но позволяет им угнетать и грабить простой народ. Под гнётом такого правления люди всех сословий ожесточаются, становятся недоверчивыми и подозрительными, с ними трудно торговать и договариваться. Флетчер отметил, что такой способ правления порождает ненависть всех слоёв населения к монархии и что русские мечтают о том, чтобы страна была завоёвана более цивилизованными иностранцами, которые избавили бы их от ярма рабства [9, 59].

Воспитанный в традициях английского рыцарства, Флетчер был поражён униженным положением женщины в Московии. Он писал, что мужчины используют их как служанок, не считая себя обязанными ни обеспечивать их жизнь, ни защищать их от бед и опасностей. Как и другие иностранцы, Флетчер не чувствовал себя в безопасности в России и по возвращении в Англию благодарил Всевышнего за то, что вышел живым из сложных перипетий придворной жизни. Книга Флетчера, приобретшая популярность в Англии, в более поздние времена неоднократно переводилась на русский язык.

Сложившиеся в записках дипломатов и в дневниках путешествий представления о России и русских перешли в художественную литературу, нашли отражение в драматургии. В эпоху королевы Елизаветы «московиты» нередко появляются в художественной литературе. Их упоминает, в частности, Филипп Сидни в томике сонетов «Афстрофил и Стелла», вышедшем в свет в 1591 г. У Шекспира встречается свыше десятка упоминаний «московитов» и русских, интерес к русским реалиям сохраняется на всём протяжении его творчества. Его современники — елизаветинцы Кристофер Марло, Бомонт и Флетчер, Томас Хейвуд, Миддлтон, Деккер, Марстон, Т. Нэш — упоминают Московию в стихах и пьесах, причём иногда используют русские слова.

В эпоху междоусобия внимание англичан было привлечено к событиям в Московии: известия о Самозванце, о борьбе за московский престол отражались в уличных листовках, распространялись донесения очевидцев. В 1618 г. племянник дипломата Джайлза Флетчера, поэт и драматург Джон Флетчер поставил трагикомедию «Верноподданный» («The Loyal Subject») на сюжет из русской истории. Герой драмы по имени Борис (Burtis) похож на Бориса Годунова, а в историческом сюжете слышатся отголоски Смутного времени.

Роберт Бёртон, автор знаменитого в своё время философского и медицинского трактата «Анатомия меланхолии» (1620), параллельно упоминает тиранов Московии и долгую русскую зиму, словно указывая на странную гармонию между климатом и характером правления. Некоторые сведения, которые английские писатели и поэты черпали из географической литературы, особенно связанные с суровым климатом, с морозными зимами, благодаря художественному воображению приобретали гротескные формы и обрастали фантастическими деталями.

К истории России испытывал интерес Джон Мильтон. Ему принадлежит «Краткая история Московии и других малоизвестных стран, лежащих на Восток от России до самого Китая» (1682). В творчестве поэта этот труд занимает особое место: он мечтал о создании литературной панорамы политической географии всего мира, и его история Московии оказалась первым трудом, положившим начало исполнению этого замысла. Работа над историей России оставила след в поэме «Потерянный рай», где упоминаются русские географические названия: Печора и Обь, Чёрное и Азовское моря, земли «самоедов» и «кочующих татар». Мильтон не был в России, но ему рассказывал о ней его друг поэт Эндрю Марвелл, бывавший в Москве в качестве секретаря посольства графа Карлейля. Московиты, русские и казаки упоминаются в поэме Сэмюэля Батлера «Гудибрас», причём автор высказывает сомнение в том, что московиты и русские — это одно и то же, а казаков, о которых часто писали английские газеты того времени, он считал особым племенем, как видно по известным заявлениям по самоидентификации, не без оснований.

В период революции Кромвеля отношения России с Англией разладились. Царь Алексей Михайлович не признал нового английского правительства и изгнал английских купцов из России, лишив их и впредь всех привилегий. В изданном от имени царя указе говорилось: «Англичане всею землёю учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля, убили до смерти: и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось» [1, 59]. Кромвель пытался наладить торговлю с Россией, по его поручению одно из верительных писем написал Джон Мильтон.

* * *

С конца XVII века интерес к Русскому государству и его культуре получает научную окраску: теперь он связан с более глубоким изучением языка, литературных и исторических памятников. В это время знание языка являлось непременным условием любого серьёзного исследования о России. Одним из важнейших источников сведений о России и русских постепенно становится русская художественная литература. По ней начинают судить о нравах, обычаях, характере народа.

В эпоху Петра I в России появилось много иностранцев. Среди них было немало англичан. Но теперь в центре внимания была не Москва, а новая столица — Санкт-Петербург. Тем не менее Россия и в это время оставалась для англичан «Московией», государством «москвитов». Жившие в России англичане в эту эпоху снабжали английские газеты и журналы сведениями о России. В 1714 г. была даже сделана попытка издавать журнал «Москвит», посвящённый русским делам.

России и Петру уделил внимание Даниэль Дефо. Во втором томе «Приключений Робинзона Крузо» (1719) его герой совершает кругосветное путешествие, которое завершается пересечением Сибири и возвращением в Англию через Архангельск. Особый интерес представляет здесь описание благородного характера сосланного в Тобольск опального князя ***, который открыл для себя в ссылке подлинные ценности жизни. Писатель полагал, что москвитов следует отличать от русских. Известный журналист Ричард Стил (*Richard Steele*) опубликовал фиктивные мемуары, написанные от лица английского офицера, участвовавшего в Полтавской битве на стороне русских. Эти мемуары вдохновили Дефо на создание «Истории жизни и деяний Петра Алексеевича, царя Московии» (1723) [см.: 8].

Дж. Свифт неоднократно упоминал Петра I и Московию во многих своих произведениях, русский царь был неизменной мишенью его сатиры, особенно в его «Собрании светских и остроумных разговоров», опубликованных в Дублине в 1738 г. В эпоху Просвещения художественной литературе, подчёркивает М. П. Алексеев, «принадлежала особая роль в деле выработки в Англии *communis opinio* о России» [1, 78]. Литература — романы, поэмы, драмы — была обращена к широкому кругу читателей, в чём и заключается секрет её воздействия на общественное мнение и формирование общих представлений о России и русских.

О России писал Оливер Голдсмит, автор эпистолярного романа «Гражданин мира» (1762). В письмах под номерами 56 и 62 говорится о Петре I и Екатерине, а о России автор пишет как о самой сильной сопернице Западной

Европы на Востоке. В своей книге «Жизнь и мнения Тристрама Шенди...» воображаемое путешествие в Россию совершил Лоренс Стерн. В эту эпоху получила распространение литература путешествий с описанием России. К этой жанровой форме принадлежит труд Уильяма Кокса, созданный в 1780-х годах и включающий очерк русской словесности. Книга была переведена на основные европейские языки и много раз переиздавалась. Но так как автор очерка осуждал крепостное право и подвергал критике русское духовенство, в России его книга находилась под запретом. «Путешествия» Кокса могли быть известны А. Н. Радищеву и, как предполагают исследователи, могли оказать влияние на жанровые особенности «Путешествия из Петербурга в Москву».

Одно из интереснейших описаний своего пребывания в Санкт-Петербурге в 1819 г. оставил Джон Бауринг, составитель «Русской антологии», встречавшийся с Н. М. Карамзиным и И. А. Крыловым. Однако и Москва продолжала привлекать англичан своим русским духом, своей восточной экзотикой, по контрасту с европейским Петербургом. В 1823 г. появилась книга Роберта Лайела «Характер русского народа и подробная история Москвы». Автор уделил внимание русской литературе, отметив, что она находилась в периоде своего расцвета.

В поэме «Бронзовый век» Байрона, нередко упоминавшего Россию в своих произведениях, особое внимание уделено Москве. Город представлен «своими полуварварскими минаретами в сиянии закатного солнца». Ненавидевший тиранию Байрон клеймил российских монархов как деспотов, державших в рабстве собственный народ и захватывавших другие государства, но в то же время он признавал заслуги России в освобождении Европы от власти Наполеона. Две стихии, в описании Байрона, охраняли Москву — огни пожаров и русские морозы. Байрон восхищался подвигом русского народа, который принёс Москву в жертву огню, чтобы она не досталась вражеской армии. В этом подвиге у Москвы не было равных:

Нет у Москвы соперников, — лишь тот
Грядущий огонь, что троны все пожрёт! [2, 193]

Увидеть Москву своими глазами довелось возлюбленной Байрона Клер Клермонт. По стечению обстоятельств, после гибели Байрона ей пришлось самостоятельно устраивать свою жизнь. Став компаньонкой в русской семье, с которой она познакомилась в Италии, в середине 1820-х гг. она уехала в Москву, где затем устроилась гувернанткой в дворянскую семью. Клермонт тщательно скрывала от нового круга знакомых свою близость к поэту, в то время боготворимому в русских литературных кругах. Но тайну не удалось сохранить, поскольку в те годы в Москве существовала община англичан, в русских семьях было немало английских гувернанток и гувернёров. Как подруга Байрона, К. Клермонт получила известность в среде поэтов и писателей, её приглашали на светские рауты и в литературные салоны, она бывала у З. Н. Волконской, была знакома с И. И. Пушиным, братьями Киреевскими и многими другими видными русскими литературными деятелями. В своих дневниках Клермонт оставила ценную для истории культуры летопись московской околотитулярной жизни (опубликованы в 1968 г. в Америке).

Поэт-романтик Роберт Браунинг побывал в России в качестве секретаря генерального консула. К сожалению, его письма из России, которые он адресовал сестре, были утеряны, но в его архиве сохранились некоторые свидетельства его российских впечатлений. По дороге поэта поразило бесконечное однообразие заснеженных лесов, через которые они ехали несколько дней и ночей в санях, запряжённых шестёркой лошадей. Утром, когда он созерцал всё ту же неизменную картину, ему казалось, что они не сдвинулись с места. Однако заунывное путешествие не прошло бесследно: Браунинг запомнил мелодии русских песен, услышанных от ямщиков, и написал поэму, действие которой происходит в петровскую эпоху в русской деревне, расположенной на пути из Петербурга в Москву.

Среди множества других англичан, подолгу живших в России, необходимо отметить Джорджа Борроу. Лингвист, этнограф, переводчик Пушкина, он был командирован в Россию от Лондонского Библейского общества в 1833 г. и провёл несколько лет в Санкт-Петербурге. Хотя его поразили низкий уровень знания Нового Завета в России, он всё же признал, что «русские — самый сердечный и добрый народ в мире. Когда вы становитесь их другом и пытаетесь говорить на их языке, пусть даже плохо, — они готовы пройти огонь и воду, чтобы оказать вам услугу» [11, 38].

Борроу восхищался Петербургом и писал, что из всех городов выбрал бы для жизни этот город. Однако он сумел оценить и Москву: «Москва — самый удивительный город, из всех, что мне приходилось до сих пор видеть» [11, 39]. Главной целью его поездки было знакомство с бытом московских цыган, большая колония которых находилась в Марьиной Роще. Цыгане интересовали Борроу как этнографа и как переводчика пушкинской поэмы «Цыганы». При встрече с московскими цыганами Борроу обратился к ним на языке английских цыган, и они его поняли. Московским цыганам, среди которых он встретил знакомых Пушкина, Борроу посвятил статью, опубликованную в 1836 г. в лондонском журнале «Atheneum».

В императорскую эпоху английские туристы обычно приезжали в Россию летом и проводили большую часть времени в Петербурге, напоминая им другие европейские города. Также они совершали краткие выезды в Москву и Киев. Заметки о своих впечатлениях, зачастую поверхностные, они публиковали в английских газетах и журналах, что со временем способствовало созданию туристических стереотипов. Этим стереотипов не избежал и пастор Р. Б. Пол, посвятивший книгу «Путешествие в Москву» описанию своего двухмесячного вояжа. По отзывам рецензентов, лучшим из всего, что есть в его книге, стало описание московских бань.

Как отмечала Дороти Брустер, многого из английских описаний России публиковать не стоило, а то, что следовало издать, по разным причинам до типографского станка не добралось. Это касалось и так называемого «Русского дневника» Льюиса Кэрролла, который Брустер ввела в научный обиход в связи с изучением истории русско-английских литературных связей.

* * *

Книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье» давно стали частью русской культуры. Однако только относительно недавно, в начале текущего века, российским читателем начал осваиваться «русский

след» в истории Алисы. Сам факт путешествия писателя в Россию и его дневник, в котором он предстаёт совсем не похожим на автора фантастических приключений, всё ещё способен удивлять и читателей, и исследователей.

В отличие от своих более честолюбивых соотечественников, Charles Lutwidge Dodgson (его имя произносится Додсон или Додсен, как утверждал сам автор и как свидетельствуют английские фонетисты), не намеревался публиковать свой дневник, хотя в это время он, преподаватель математики Christ Church колледжа Оксфордского университета, уже был Льюисом Кэрроллом, автором недавно опубликованной и принёсшей ему литературную славу книги «Alice's Adventures in Wonderland» (1865).

«Русский дневник» вызывал интерес у издателей, но автор упорно сопротивлялся его публикации, и при его жизни он не выходил. Небольшим «библиофильским» тиражом в 66 экземпляров дневник впервые был опубликован в 1928 г. приобретшим его коллекционером, и только в 1935 г. в Англии появилось издание, доступное широкой публике. В нём дневник издан под одной обложкой с избранными произведениями писателя [12]. Затем последовали другие публикации, несовершенные с точки зрения текстологии, и только в 1999 г. английское Общество Льюиса Кэрролла опубликовало верный и полный текст его дневника. Так долго, более столетия, дневник входил в историю английской культуры.

«Русский дневник» впитал впечатления автора от поездки в Россию, состоявшейся летом 1867 г. Дороти Брустер, автор книги «East-West Passage: A Study in Literary Relationships» («С Востока на Запад: Очерк литературных отношений»), вышедшей в 1954 г. [11], посвятила дневнику Кэрролла всего три страницы — но зато дневник здесь представлен в контексте русско-английских культурных переключек за несколько столетий.

Д. Брустер выделила в тексте дневника слова, связывающие московские впечатления писателя с работой над второй частью приключений Алисы: «Through the Looking-Glass and What Alice Found There» («Алиса в Зазеркалье»), или «Сквозь зеркало»). Исследовательница отметила, что «Алиса не проникала “сквозь зеркало” до 1871 г.». Таким образом, идея зазеркалья родилась вскоре после путешествия в Россию. В книге Брустер приведены самые существенные цитаты из дневника, пассажи, в которых слышен голос не только потомственного пастора Додсона, но и писателя Льюиса Кэрролла.

Сегодня нам доступен полный текст дневника в переводе Н. Демуровой, а также в сопровождении комментариев и многообразных исследований жизни и творчества писателя [5]. Этой книге предшествовало издание дневника в 2004 г. в переводе А. Боченкова и без комментариев [6]. Оба издания вызвали многочисленные отклики в печати и в сети.

История этого путешествия основательно документирована, так как Додсон, подобно всем образованным викторианцам, вёл ещё и обычный дневник, в котором по часам регистрировал все события прожитого дня. В этом дневнике, в записи за 11 июля 1867 г., сообщается: «Получил из Лондона паспорт. Недавно Лиддон сообщил, что сможет поехать со мной за границу и мы выбрали — Москву! Не правда ли честолюбивый замысел для того, кто ещё ни разу не покидал пределов Англии. <...> Завтра выезжаю в Дувр» («Received my passport from London. During the last few days Liddon has informed

me that he can go abroad with me, and we have decided on Moscow! Ambitious for one who has never yet left England. <...> I shall keep my journal for some while in another book, as I leave for Dover tomorrow» [14, 261].

В Россию Додсон отправился с другом и коллегой по Christ Church колледжу преподобным Генри Лиддоном (Henry Parry Liddon, 1829–1890). Выпускники этого колледжа традиционно принадлежали к Высокой Англиканской церкви, которая тяготела к англо-католицизму. Додсон, хотя и принадлежал к династии пасторов, не стремился к церковной карьере и получил только начальный духовный сан диакона (deacon). Его биографы видят причину этого уклонения от семейной традиции в том, что он с детства заикался и справедливо полагал, что вряд ли сможет стать хорошим проповедником. Но, по всей видимости, была и другая, гораздо более серьёзная причина, крившаяся в том, что будущий пастор разделял не все тридцать пунктов англиканского вероисповедания, под которыми должен был подписаться выпускник Оксфорда. В своей утончённой честности он был не одинок, у него был знаменитый предшественник — поэт С. Т. Кольридж. В последние годы своей жизни Додсон в своих немногочисленных проповедях отстаивал идею апокатастасиса: ему казалось невозможным, чтобы всеблагий Господь обрёл грешников на вечные муки.

В отличие от Додсона, пастор Г. Лиддон целенаправленно шёл вверх по ступенькам духовной иерархии и к 1870 г. достиг поста каноника собора Св. Павла в Лондоне. Преподобный Лиддон был одним из самых известных и влиятельных проповедников своего времени, автором многочисленных теологических трудов, ему посвящена значительная биографическая литература [см., напр., 16]. По всей видимости, Лиддон был инициатором поездки в Россию: у него был личный интерес к русскому православию, он считал, что общение с восточным крылом христианства может стать аргументом против обвинений Высокой Англиканской церкви в католизации. Он взял на себя миссию наладить контакты с российским православным духовенством, так как верил в возможность воссоединения Западного и Восточного крыла христианства. Лиддон получил рекомендательные письма, необходимые для встречи с главой Русской Православной Церкви митрополитом Московским Филаретом, который летом 1867 г. собирался отмечать пятидесятилетие своего церковного служения.

Путешествие из Дувра до Петербурга заняло две недели, так как Додсон, никогда не бывавший в Европе, хотел получить представление о европейской жизни. Англичане посетили Брюссель, Кёльн, Берлин, Потсдам, Данциг. Судя по тому энтузиазму, с которым Лиддон и Додсон во время своего путешествия посещали церковные службы, оба стремились расширить своё представление о религиях разных народов и обрести новый религиозный опыт.

23 июля они прибыли в Кёнигсберг, а следующим пунктом назначения был Санкт-Петербург. В вагоне поезда Додсон начал своё знакомство с Россией, так как в одном купе с ними ехал шотландец Эндрю Мюр (Muir, 1817–1899), партнёр фирмы «Мюр и Мерилиз», проживший в России пятнадцать лет. От него писатель получил первые уроки русского языка: Мюр изобразил латинскими буквами слово «защищающихся»: ему понадобилось для передачи этого слова 30 букв, и одно слово заняло целую строку.

В Петербурге англичане начали свой день с посещения службы в Исакиевском соборе. С одной стороны, их восхищала роскошь церковной утвари и красота хорового пения, но с другой — эти эстетические воздействия, по мнению Додсона, мешали погружению в молитвенное настроение: «Чем более видишь эти великолепные службы, столь много говорящие органам чувств, тем более начинаешь ценить простую и строгую (однако, на мой взгляд, гораздо более проникновенную) литургию Англиканской церкви» [5, 37].

Посещая службы разных церквей, Додсон и Лиддон вели нескончаемые теологические споры.

Знакомясь с Петербургом, друзья прошли вдоль Невского проспекта, который Додсону показался «одной из самых прекрасных улиц в мире» [5, 37]. Он подробно описывает здание Адмиралтейства, конную статую Петра Великого, Гостиный двор. Сильнейшее впечатление произвёл на него Эрмитаж, особенно залы, где были представлены картины Тициана и Мурильо на религиозные сюжеты, а также «Святое Семейство» кисти Рафаэля. Из Зимнего дворца они отправились на службу в Александро-Невскую лавру. На другой день они решили исследовать знаменитые уже в те времена окрестности Петербурга. В России путешественники, не говорившие по-русски, быстро «обрастали» новыми друзьями, и им необыкновенно везло с попутчиками. Как уже отмечалось, по дороге в Петербург они познакомились с Эндрю Мюром, а в Петергоф отправились в сопровождении его родственника Арчибальда Мерилиза (1797–1877), основателя фирмы «Мюр и Мерилиз». Додсон признал Петергоф не менее совершенным образцом паркового искусства, чем Сан-Суси.

Москва, куда англичане приехали на поезде 2 августа, в глазах Додсона затмила всё великолепие Петербурга и его окрестностей. Петербург был всё же европейским городом со знакомыми контурами «английских парков». Москва оказалась воплощением неизвестной для него культуры, экзотическим восточным городом: её облик определяли сияющие золотом церковные купола, и этот сказочный блеск и звуки колоколов уносили его в иной мир.

В описании Москвы уже слышится голос Льюиса Кэрролла: звучит мотив «страны чудес» («wonderful city»), где всё непривычно, всё иначе, чем дома, всё «странно». В описании города доминирует мотив причудливо искажённых отражений домов и улиц на изогнутой поверхности церковных куполов. Это описание — уже почти готовое «зазеркалье», царство разнообразной оптики, где всё увеличено или уменьшено, вытянуто или вогнуто, а порой перевёрнуто с ног на голову. Москву он описывает как «чудесный город, город белых и зелёных крыш, конических башен, которые словно выдвигаются одна из-за другой, как трубы телескопа, город выпуклых золотых куполов, в которых как в зеркале изогнутые (*distorted*) отражения города; город церковей, которые снаружи похожи на разноцветный кустистый кактус (ответвления которого венчают колючие бутоны зелёного, голубого, красного и белого цвета), а внутри всё снизу доверху увешано иконами и лампадами и расписано до самого купола цветными фресками; и наконец, это город, на мостовых которого трясёт, как будто едешь по распаханному полю...» («This wonderful city, a city of white and green roofs, of conical towers that rise one out of another like a foreshortened telescope; of bulging gilded domes, in which you see *as in a*

looking-glass distorted pictures of the city; of churches which look, outside, like bunches of variegated cactus (some branches crowned with green prickly buds, others with blue and others with red and white), and which inside are hung all round with icons and lamps, and lined with illuminated pictures up to the very roof; and, finally, of pavement that goes up and down like a ploughed field») [11, 42–43].

Образ «разноцветного кактуса» с колючими бутонами несомненно вызван впечатлением, который произвёл на писателя осмотр храма Василия Блаженного. Он изучил его не только снаружи, но и изнутри, где с удивлением обнаружил, что храм состоит как бы из множества маленьких церквей. Как он отметил, собор был «причудлив, почти фантастичен». Во второй части приключений Алисы, действие которой происходит в Зазеркалье, звучала не только тема чудесных зеркал, меняющих картину мира, но и мотив чудесного «телескопа», который увеличивает и уменьшает предметы, приближает и удаляет их в пространстве. Вполне вероятно, что этот мотив возник из впечатления, произведённого архитектурой башен Московского Кремля, напомнивших писателю телескоп или подзорную трубу, которую он захватил с собой в путешествие.

На другой день Додсон и Лиддон поднялись на колокольню Ивана Великого, откуда открывался вид на Москву, — и снова картину украшали сияющие на солнце золотые купола. Писатель, конечно, видел ещё ту Москву, где было «сорок сороков» церквей. Вечером того же дня, в половине шестого путешественники отправились в Нижний Новгород. По прибытии англичане остановились в лучшей в городе гостинице, которая оказалась простым постоялым двором. Писатель охарактеризовал его как «по-настоящему жуткий». Но даже и там их ждал отличный стол.

В дневнике есть зарисовки сценки в ресторане: «за обедом, мы стали объектом живейшего интереса шести или семи официантов (*waiters*), одетых в белые брюки и длинные белые рубахи, перепоясанные на талии. Они стояли, выстроившись в ряд, и не отрываясь глазели на пережёвывающих пищу заморских зверей» («As we sat at dinner we furnished a subject of the liveliest interest to six or seven waiters, all dressed in white tunics belted at the waist, and white trousers, who ranged themselves in a row and gazed in a quite absorbed way at the collection of strange animals that were feeding before them») [11, 42].

Но все неудобства и опасности путешествия отошли на второй план, когда англичане оказались на нижегородской ярмарке: это была ещё одна «страна чудес», где сошлись самые экзотические восточные народы и культуры: «Там были целые кварталы, где продавались только персидские ковры, были там китайские и другие кварталы, и мы всё время сталкивались с экзотическими существами в самых неслыханных одеяниях». На закате солнца они оказались вблизи мусульманской мечети как раз в тот момент, когда муэдзин вышел на крышу и протяжным голосом призвал верующих к молитве. Описанию этого звука, который напомнил ему восклицания сказочных пророчиц, Додсон посвятил целый абзац.

Днём англичане побывали на православной службе, а вечером посетили театр, где давали представление, состоявшее из трёх пьес. Первая из них, «Волшебная лампа Аладдина», поразила Додсона, несмотря на то что он почти ничего не понимал. Он отметил в дневнике первоклассную игру актё-

ров: «Я никогда раньше не видел, чтобы актёры были заняты самой драмой и взаимодействием с другими актёрами и почти не заботились о том впечатлении, которое они производят на публику».

Из Москвы Додсон и Лиддон совершили паломничество в Новый Иерусалим и дважды в Троице-Сергиеву лавру, где они должны были выполнить свою церковную миссию. В первый приезд в Лавру они присутствовали на службе, затем им показали ризницу и живописную мастерскую. По отзыву Додсона, это был один из самых памятных дней их путешествия. Вернувшись в Москву, англичане снова окунулись в её церковную жизнь: 13 августа (1-го по старому стилю, то есть в день Илии Пророка) они участвовали в празднике освящения воды.

В субботу 17 августа в Троице-Сергиевой лавре состоялось празднование пятидесятилетия служения митрополита Московского Филарета. Ради этого события англичане отложили намеченный отъезд из Москвы. Но этот день, как пишет Додсон, оказался не совсем удачным: из-за огромного стечения людей им не удалось увидеть праздничное зрелище во всей полноте. В воскресенье 18 августа они вернулись в Москву, как и раньше, провели день в церквях и соборах, а вечером отправились домой через Кремль, где писатель старался впитать «последнее впечатление этого прекрасного ансамбля зданий в холодном и прозрачном лунном свете, который подчёркивает белизну стен и башен и отражается в золочёных куполах» («the last impression of that most beautiful range of buildings in perhaps the most beautiful aspect of which it is capable a flood of cold, clear moonlight, bringing out the pure white of the walls and towers, and the glittering points of light on the gilded domes») [11, 43].

19 августа англичане отбыли в Петербург, где они провели ещё несколько насыщенных событиями дней перед тем как 26 августа отправиться в Англию через Варшаву, Дрезден, Лейпциг и Париж. Два месяца спустя в оксфордширском доме Додсона, в Бекли, в декабре 1867 г. уже полным ходом шла работа над новой частью приключений Алисы. В январе 1869 г. рукопись была готова к печати, а в 1871 г. книга вышла в свет. Если первая часть приключений начиналась ясным майским днём, то действие Зазеркалья происходит шесть месяцев спустя, в начале ноября, за окном стоит студёный и снежный зимний вечер: необычный для Англии и напоминающий о другой, далёкой стране. Основным приёмом этой части книги являются сдвиги во времени и смещения пространства, что характерно для мироощущения путешественника. Создавая образ Зазеркалья — мира, в котором опрокинуты все привычные представления, а люди говорят на непонятном, диковинно звучащем языке, писатель, несомненно, черпал вдохновение из свежего источника своих российских впечатлений.

* * *

В 1880–1890-х годах оживление серьёзного интереса англичан к России было вызвано публицистической и просветительской деятельностью русской политической эмиграции в Англии. П. Кропоткин, Ф. Волховский, С. Степняк-Кравчинский выступали с лекциями, публиковали на английском языке статьи и книги о России. Русские эмигранты оказали значительное влияние на переводческую работу Констанс Гарнетт (1861–1946). Благодаря её само-

отверженному труду англичане получили в переводе на свой язык полные собрания сочинений Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова.

К. Гарнетт отправилась в Россию 31 декабря 1893 г., в канун Нового года, оставив дома малолетнего сына. Друзья и родственники устроили ей торжественные проводы с рождественским пудингом. К. Гарнетт в это время работала над переводом запрещённого в России произведения Льва Толстого «Царство Божие внутри вас», и ей хотелось встретиться с писателем, чтобы лучше разобраться в его мировоззрении. Выехав из Лондона в воскресенье вечером, она прибыла в Петербург в среду утром. Почти каждый день она писала письма домой: письма до Лондона в то время шли два-три дня. Кроме этого, она вела подробный дневник, где записывала все события каждого дня, набрасывала словесные портреты новых знакомых. Российский быт очень скоро начал казаться К. Гарнетт невыносимым:

«Эта жизнь могла бы убить меня... Люди целыми днями сидят без свежего воздуха, без движения и при этом почти не спят; в комнатах так жарко, что у меня всё время запотевают очки... До десяти вечера люди не знают, чем заняться, бродят по комнатам сонные и унылые, но после десяти вдруг начинают просыпаться, устремляются в город наносить визиты. Если кто-то заглядывает в гости в час или два ночи, это считается вполне нормальным» [15, 120].

Пожив в России, К. Гарнетт, как и многие её соотечественники, новыми глазами посмотрела на обыденную английскую жизнь. «Россия, — писала она мужу, — учит меня ценить простые английские добродетели, которые всю жизнь казались само собой разумеющимися. Сейчас мне кажется, что я всю жизнь жила в избранном кругу ангелов... не подозревая об этом!»

После Петербурга Москва поразила К. Гарнетт: «Никогда в жизни я не видела ничего, что произвело бы на меня такое сильное впечатление. Трудно поверить, что Афины или Константинополь смогут удивить ещё больше, я уверена, что даже там нет такого разнообразия достопримечательностей». В дневнике она оставила живописную лирическую зарисовку зимней Москвы, которая заканчивается характерным рассуждением о российских дорогах:

«После полудня вышло солнце и весь город засиял золотыми куполами и шпилями, поражая бесконечным многообразием тонких цветовых оттенков. Высоко в небе над крестами церковью кружили грачи. По утрам я иду пешком или сажусь в сани с извозчиком, чтобы ещё раз и надолго запечатлеть эти картины в моём воображении. Пешком ходить, правда, не так просто: улицы из-за оттепели покрыты мокрой и грязной слякотью, доходящей до щиколоток. Это и есть Россия! Изысканный, романтический, тонкий шпиль на фоне нежнейшего оттенка жемчужного неба, а ноги — в грязи неопишущей!» [15, 122].

Вскоре по приезде в Москву она отправилась с визитом к Льву Толстому в его городскую усадьбу в Хамовниках. Они, как и предполагалось, обсуждали проблемы английского перевода «Царства Божия». К удивлению К. Гарнетт, Толстой посоветовал ей пойти в картинную галерею: она была уверена, что он презирает культурные развлечения. Из Москвы К. Гарнетт отправились в Нижний Новгород, где побывала у В. Г. Короленко. Вернувшись в Москву, она ещё раз посетила Льва Толстого, но на этот раз в Ясной Поляне.

* * *

Важную роль в распространении документальных сведений о России, её культуре и литературе сыграли английские писатели, служившие в России или приезжавшие сюда в XX веке — особенно во время войны и революции. Герберт Уэллс, посетивший Россию в первый раз в 1914 г., оставил описание предвоенной Москвы и Петербурга в романе «Джоанна и Питер» (1918):

«Красные стены Кремля; варварская карикатура Василия Блаженного; грязный странник с котелком в Успенском соборе; длиннородые священники; татары-официанты в ресторанах; публика в меховых шубах — нелепо роскошная на английский взгляд».

В этом же романе даётся панорама Москвы с Воробьёвых гор:

«Этот город — не то, что города Европы: это — нечто своё, особенное. Это — татарский лагерь, замёрзший лагерь. Лагерь из дерева, кирпича и штукатуры... лучше начинаешь понимать Достоевского. Представляешь себе эту “Holy Russia” — “Святую Русь”, как род эпилептического гения среди наций нечто вроде “Идиота” Достоевского — гения, настаивающего на моральной правде, подымающего крест над всем человечеством... Да, Азия идёт на Европу с новой идеей... У них, русских, есть христианская идея в том виде, в каком у нас, в Европе, её нет. Христианство для России — означает братство. И этот город с его бесчисленными крестами находится в гармоничном единстве с русской музыкой, искусством, литературой...»

Хью Уолпол находился в России с начала Первой мировой войны и был свидетелем Февральской революции 1917 года. Его романы «The Dark Forest» («Тёмный лес», 1916) и «The Secret City» («Тайный город», 1919) основаны на собственном экстремальном опыте глубокого изучения России и русских. Наблюдения над мелочами быта и скрупулёзный анализ поведения русских людей в разных жизненных ситуациях составляют в романах Уолпола основу для обобщений о русском характере и для интересных сопоставлений русских и англичан. Действие этих романов разворачивается в основном в Петербурге, но писатель упоминает и Москву. Устами русского героя он говорит о московских нравах: «В Москве едят целый день и не стыдятся этого. И чего стыдиться? У нас нет ни чувства времени, ни метода, ни системы. Англичанину русские либо представляются дикарями, либо, если это интеллигенты, они его раздражают слишком изощрёнными тонкостями и противоречиями своего характера».

Уолпол побывал во многих и разных русских домах Москвы и Петербурга и сделал вывод: «Русский дом — это что-то вроде железнодорожной станции: почти не зная хозяев, вы можете там есть, спать, приглашать друзей, а простившись, забыть, как зовут хозяина». Во время войны Уолпол находился в качестве санитаря в русской армии и встречался с людьми разных сословий. В его книгах разбросаны меткие замечания о русском характере. Вот некоторые примеры:

«Русский с лёгкостью теряет большие деньги, опоздав на нужную встречу. Зато у них свобода. Они ценят идеи, которые в Англии ничего не стоят».

«Русский забывает то, что ему необходимо помнить, и помнит то, что следовало бы забыть».

«Всякий русский — одновременно циник и идеалист».

«Русские — страшные пессимисты. Но в катастрофической ситуации они чувствуют себя на твёрдой почве».

«Русские не настолько безумны, как думают англичане, а англичане не настолько тупы, как думают русские».

Стивен Грэм (Stephen Graham, 1884–1975) был самым фанатичным и продуктивным автором из тех, кто писал о «русской душе», о «душе России». В юности Грэм прочёл «Преступление и наказание» Достоевского, под влиянием которого решил изучать русский язык. В 1910 г. он отправился в путешествие по России: побывал на Украине, в Крыму, на Кавказе. Грэму принадлежит большое количество книг о России, среди них самые известные — «Undiscovered Russia» («Неоткрытая Россия», 1912), «Changing Russia» («Меняющаяся Россия», 1913), «The Way of Martha and the Way of Mary» («Путь Марфы и путь Марии», 1915). Книги Грэма о России пользовались противоречивой репутацией: они расходились массовыми тиражами, но интеллектуалы — как русские, так и англичане — их не принимали.

Стивен Грэм был знаком с А. М. Горьким, но, по всей видимости, они не сошлись во взглядах на Россию и её будущее. Горький писал: «Я не думаю, чтоб для России было полезно то отношение к ней, которое устанавливает нашумевшая книга Стефена Грэхэма; ведь ясно: книга эта встречена с восторгом только потому, что, рисуя нас блаженными бездельниками, она позволяет английскому капиталисту рассматривать Русь, как Африку, Индию, как другую его колонию» [4, 191].

В годы войны Горький выступал со статьями, в которых вскрывал порочность «восточного» влияния на русское сознание, а также влияния Ф. М. Достоевского. Он считал, что Россия должна избавиться от мистицизма, культа страдания и смерти, от русской тоски, что русский человек должен обрести ясный ум и научиться владеть своими чувствами. С. Грэм, полемически комментируя эти статьи М. Горького, заявлял:

«Россия, которую отвергает Горький, это та самая Россия, которая представляет для нас, англичан, наибольший духовный интерес. Это Россия мистическая, лишённая прагматизма, Россия-странница, художественная Россия. А он хочет, чтобы она стала тем, что для нас совершенно неинтересно: Россией, полной оптимизма, уверенной в себе, деловой, хорошо одетой, элегантной и Западной» [11, 164].

Д. П. Святополк-Мирский писал в 1924 г.: «Кому приходилось иметь дело с иностранными книгами о России и особенно о русской литературе, знает, какая это неисчерпаемая сокровищница нелепости и непонимания. Английские книги составляют исключение. Англичане, увлекающиеся русской литературой, отличаются особым истерически-сентиментальным складом ума. Из них особенно типичен автор “Неизвестной России” Стивен Грэхам. В последнее время английская любовь к России сосредоточивается на именах Достоевского и Чехова и тесно связана с быстрым ростом новой “интеллигентщины”, разительным образом напоминающей первые стадии в истории нашей собственной интеллигенции. Поэтому в более английски мыслящих кругах Англии любовь к русской литературе находится под естественным и справедливым подозрением. Соприкосновение с русской культурой губительно

для всех лучших качеств англичанина и особенно для его прославленного “чувства юмора” — *sense of humour* (что, между прочим, вовсе не то же самое, что мы называем этим именем). Проникнутый “русским духом” англичанин делается мрачным истериком и анархическим педантом» [7, 3].

Совсем иное мнение тот же русский критик высказывает о книгах Мориса Беринга.

Писатель и журналист Морис Беринг (Maugice Baring, 1874–1945) тоже многие годы провёл в России: он был корреспондентом «*The Morning Post*», прошёл военными дорогами с русскими солдатами в Маньчжурии, близко общался с русскими людьми разных социальных слоёв, от аристократов до крестьян. Беринг написал о России более десятка книг, среди них несколько романов, сборники рассказов и стихотворений, сонеты и пьесы, воспоминания и размышления. Ему принадлежат также исследования о русской литературе: «*Landmarks in Russian Literature*» («Вехи русской литературы», 1910; перевод на русский язык, 1913), «*An Outline of Russian Literature*» («Очерк истории русской литературы», 1914), антология «*The Oxford Book of Russian Verse*» («Оксфордская книга русских стихов», 1924). М. Беринг был один из немногих русистов, кто сумел оценить значение Пушкина в русской литературе. Д. П. Святополк-Мирский писал по этому поводу: «Его оценка русской поэзии страдает некоторой односторонностью, но никакой синтез не может не быть односторонним. Зато Берингов синтез неизмеримо ближе к истине, чем все толки о “славянской душе”, “стране крайностей”, “русской мистике” и прочем вздоре, которым уже столько поколений кормится несчастный “гнилой Запад”» [7, 3].

Действие пьесы М. Беринга «Двойная игра» («*Double Game*», 1912) происходит в Москве в январе 1907 г., её герои — русские революционеры. В книге «Кукольный театр памяти» («*The Puppet Show of Memory*», 1922) М. Беринг анализирует русский характер и причины привлекательности России для англичан. Глядя на Россию через призму Чехова, он видит в «вишнёвом саде» символ всей России: люди наслаждаются жизнью, сидя на пороховой бочке, время не имеет для них никакого значения, вся их жизнь — это бесконечный разговор, в который вступают всё новые собеседники, а те, кто его начал, постепенно сходят со сцены.

Как бы ни менялся, мельчал или затуманивался в глазах английских авторов образ России, он неизменно привлекает и дразнит их и всегда остаётся загадочным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: XVIII век — первая половина XIX века // Лит. наследство. Т. 91. М.: Наука, 1982.
2. Байрон Дж. Поэмы / Пер. Г. А. Шенгели. М., 1940. Т. 2.
3. Горсей Дж. Записки о России: XVI — начало XVII в. М.: Изд-во Московского университета, 1990.
4. Горький М. Письма к читателю // Горький М. Статьи 1905–1916 гг. Пг.: Парус, 1918. С. 191.
5. Кэрролл Льюис. Дневник путешествия в Россию в 1867 году, или Русский дневник / Пер. с англ. и предисл. Н. Демуровой. Челябинск–СПб., 2013.

6. *Кэрролл Льюис*. Дневник путешествия в Россию в 1867 году. Пища для Ума. «Месть Бруно» и другие рассказы. Илл. Льюиса Кэрролла / Пер. с англ. А. Боченкова. М.: Эксмо, 2004.
7. *Святотолк-Мирский Д.* Новое в английской литературе: Морис Беринг // Звено. 1924. 11 авг.
8. *Урнов Д. М.* Дефо. М.: Молодая гвардия, 1990 («Жизнь замечательных людей»).
9. *Флетчер Дж.* О государстве Русском. М.: Захаров, 2002.
10. *Byron G. G.* Bronze age // Byron G. G. Selections. M.: Progress Publishers, 1973.
11. *Brewster Dorothy.* East-West Passage: A Study in Literary Relationships. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1954.
12. *Carroll Lewis.* Russian Journal and Other Selections. L., 1935.
13. *Crankshaw E.* Russia and Britain. L.: Collins, [1944].
14. The Diaries of Lewis Carroll / Now first edited and supplemented by Roger Lancelyn Green. In 2 vols. L.: Cassell & Co, 1953. Vol. 1.
15. *Garnett R.* Constance Garnett: A Heroic Life. L.: Sinclair-Stevenson, 1991.
16. *Johnstone J. O.* Life of Henry Parry Liddon. L., 1904.

REFERENCES

1. *Alekseev M. P.* Russko-angliyskie literaturnye svyazi: XVIII vek — pervaya polovina XIX veka [Russian-English literary relations: the 18th century — the first half of the 19th century] // Lit. nasledstvo. T. 91. M.: Nauka, 1982.
2. *Bayron D.* Poemy [Poems] / Per. G. A. Shengeli. M., 1940. T. 2.
3. *Gorsej D.* Zapiski o Rossii: KhVI — nachalo XVII v. [Notes about Russia: 16th century-the beginning of the 17th century]. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1990.
4. *Gor'kiy M.* Pis'ma k chitatelyu [Letters to the reader] // Gor'kiy M. Stat'i 1905–1916 gg. Pg.: Parus, 1918.
5. *Kerroll L.* Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu, ili Russkiy dnevnik [The Russian Journal] / Per. s angl. i predisl. N. Demurovoy. Chelyabinsk–SPb., 2013.
6. *Kerroll L.* Dnevnik puteshestviya v Rossiyu v 1867 godu. Pishcha dlya Uma. «Mest' Bruno» i drugie rasskazy. III. L'yuisa Kerrolla [The Russian Journal. Bruno's Revenge and Other Stories] / Per. s angl. A. Bochenkova. M.: Eksmo, 2004.
7. *Svyatopolk-Mirskiy D.* Novoe v angliyskoy literature: Moris Bering [New in English Literature: Maurice Baring] // Zveno. 1924. 11 avg.
8. *Urnov D. M.* Defo [Defoe]. M.: Molodaya gvardiya, 1990 («Zhizn' zamechatel'nykh lyudey»).
9. *Fletcher D.* O gosudarstve Russkom [History of the Russian State]. M.: Zakharov, 2002.
10. *Byron G. G.* Bronze age // Byron G. G. Selections. M.: Progress Publishers, 1973.
11. *Brewster D.* East-West Passage: A Study in Literary Relationships. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1954.
12. *Carroll L.* Russian Journal and Other Selections. L., 1935.
13. *Crankshaw E.* Russia and Britain. L.: Collins, [1944].
14. The Diaries of Lewis Carroll / Now first edited and supplemented by Roger Lancelyn Green. In 2 vols. L.: Cassell & Co, 1953. Vol. 1.
15. *Garnett R.* Constance Garnett: A Heroic Life. L.: Sinclair-Stevenson, 1991. P. 120.
16. *Johnstone J. O.* Life of Henry Parry Liddon. L., 1904.